

шесть
стихотворений
Некрасова

Рисунки
Б. Кустодиева
«Аквилонъ»

Петербургъ

1922

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
Н. А. НЕКРАСОВА

И. С. ПУШКИН
СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Шестѣ

стихотвореніи

Некрасова

Рисунки

Р. Кустодіева

„Аквилоновъ“

Петербургъ

1882

Титульный лист, иллюстрации,
заставки и концовки — автоли-
тографии Б. М. Кустодиева

Настоящее издание отпечатано в 15-ой
Государственной типографии (б. Голик и
Вильборг) в марте 1922 г., под наблю-
дением В. И. Анисимова, в количестве
одной тысячи двухсот экземпляров, из
них 60 именных и 1140 нумерованных
(от 1 до 1140)

Экземпляр №

Р. В. Ц.

В Л А С

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.
На груди икона медная;
Просит он на Божий храм,
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;
Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике
Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!
Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеём-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!
Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?
Только пуше всё неможется.
Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.
Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду:
Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
И как углие глаза,
Крокодилы, змии, скорпии —
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.
Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,

И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.
Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...
Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял Господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.
Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма Божьего пошел.
С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.
Сила вся души великая
В дело Божие ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.
Нет ему пути далекого:
Был у матушки-Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.
Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары —
И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Божии
По лицу земли родной.

1854

*Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу,
крестьянину
деревни Шоды Костромской губ.*

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня по-часту спрашивал:
Что строчишь карандашом?
Почитай-ка. Не прославиться; —
Угодить тебе хочу.
Буду рад, когда понравится,
Не понравится — смолчу.
Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23 августа 1861 г. Грешинею

КОРОБЕЙНИКИ

I

Кумачу я не хочу.
Китайки не надо.

Песня.

„Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы, и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завизу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!“
Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалий молодец...
Чу, идет! — Пришла желанная,

Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать;
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они...
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

„Ой, легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:

Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа — зазнобушка,
В Божью церковь поведу!“

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
„Я уж думал, ты пропал!“
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-почали поповы дочери.
Привез деревенских
торгашей.

„Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!“
Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки важеватые,
Глядь, туда же приплелись.
„Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!

Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят!
Есть и любчики заветные —
Хоть кого приворожат!“
Началися толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
„Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!“... Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень?...
Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках —
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:

„Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!...“
Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина.

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что невесел? Ох да ох?
„В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает Бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!“
И опять на церковь Божию
Долго крестится торгош.

„Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх!“
— Понагрел ты Калистратушку. —
„Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого“.
— Рыжий, клином борода. —
„Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха:
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха!
Враг дурит — народу горяшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно Морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам...
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого,
Парня в город отвезут...“

Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
— „Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Все бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну, —
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!“
„Пропилися, подкопники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!
Ой, ты зелие кабашное
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением
Знать война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?

Вот и мы гневим Всевышнего..."
— Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..

IV

Ай барыня! барыня!

Песня.

— „Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!“
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгошаи.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
„Кто вас спутал?“ — и собаками
Их бурлаки назовут.
По-делом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..
Потянулись огурешники:
„Эй, просыпал огурцы!“

Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской, — длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит;
Сунул голову в лукошечко!
Старичок за холку хватъ!
— Эй! еще, еще немножечко! —
Нет, урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
— „Знамо, в стаде-то поваднсе,
Чем в косуле мужика:
Эх, ты, пареный да вяленный!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяный,
Надо новый покупать!“
Им обозики военные
Попадались иногда:
„Погляди-тко: турки пленные!
Эка пестрая орда!“
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
— „Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..“

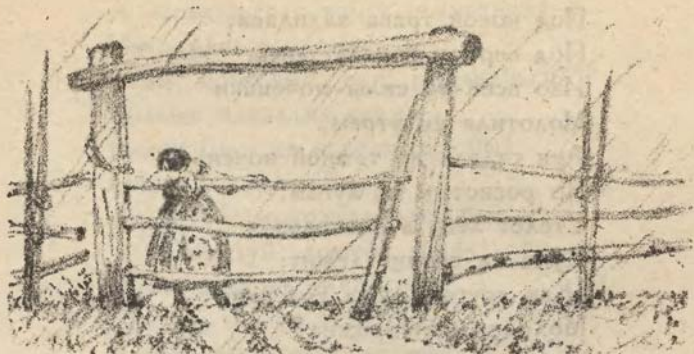
Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
— Чьи такие господа?
„Кашпирята с Зюзенятами“...
Заяц! вон, гляди туда!“
Всполошились борзители:
— Ай! а-ту его! а-ту!—
Ну, собачки! Ну, губители!
Подхватили на лету...
Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не раз'ешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
— Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха.
„Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост“.
— Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?.. „Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские
Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!

Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог-стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой ты, барыня спесивая!
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет.
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по-миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников,
Нынче баре не берут.
Чорт побрал бы моду новую!
А, бывало, в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящею косой,

Важеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки-горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Все сама руками белыми
Отбирает не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
„Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?“
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — Бог с тобой!...
А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой:
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
„Подходи сюда, дружок!“
Подбегаю к ним скорехонько.
„Что возьмешь за короб весь?“
Усмехнулся я легохонько:
— Дорог будет, ваша честь. —
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.

Уж тогда товары вынули,
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
„Подбирай, честной народ!“
Закипела свалка знатная...
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!“

V

-- Много ли верст до Гоголина?

-- Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка.

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы, неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная—
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилось
Молодице не-втерпеж,

Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на-сердце лежит:
„Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?“
И у девки сердце падает:
„Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашеньку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам раз'езжаючи,
Веселися, песни пой!

А вернешься с торгу пьяненький —
Накормлю и уложу!
„Спи, пригожий, спи, румяненский!“
Больше слова не скажу.
Видит Бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да к тебе и подвалилась бы:
— „Поцелуй, дружок, меня!...“
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!
„Ой! пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-зязнобушка,
Не обманет мил-дружок!“
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так, Бог знает почему,
Все такие мысли страшные
Забираются в башку.

Прощалыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся-ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
„Проходите с Богом, братики!“
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.
В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
„Эх! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники,
Сбили с толку мужики:
— Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь. — „Вот оне!
Чорт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал?“
— Бабы их клюкою меряли,
Ванька с важностью сказал:
— Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей. —
„Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?“

Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...“
— Стой-ка, дядя, чу, идут!

VI

Только молодец и жин бывал.
Русская Бялпина.

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
— Путь-дорога, коробейнички!
„Путь-дороженька, стрелец!“
— Что ты смотришь? — „Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал?“
— Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?

— „А, кажись, лицо знакомое“,
Шепчет Ванька старику.
— Что вы шепчетесь! — „Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому?“ — Нам по пути,
Я из Шуньи — „А далеко ли
До деревни до твоей?“
— Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?
„Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад“.
Лесничок как расхохочется!
— Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось, не скоро бы
Шел ты, старый воробей! —
И лесник приподнял коробки
На плечах у торгашей.
— Ой! легохоньки коробушки,
Все повыпродали, знать?
Наклевались воробушки,
Полетели отдыхать!
„Что дойдем в село до ноченьки?“
— Надо, парень, добрести;
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу...
И с плеча ружье дуствольное
Снял — и держит на-весу.

— Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы! —
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков...
„Неужели, парень, бьет оно?“
— Бьет на семьдесят шагов. —
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тят да ляп!
Дам и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая всклочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же, пес в ошейнике,
По прозванию Упырь...
Посмеялись коробейники:
„Эх ты, горе-богатырь!...“
Час идут, другой. „Далеко ли?“
— Близко. — „Что ты?“ — У реки
Куропаточки закокали...
И детина взвел курки.
— Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу? —
Коробейникам не пелосся:
Уж темнели небеса,

Над болотом засинелось,
По нависнула роса.
„День-деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?... эй! в кого ты целишься?“
— Так, я пробую прицел... —
Дождик, что ли, собирается,
Ходят по небу бычки;
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь,
Чу! как ухалица ухаает,
Чу! ребенком стонет сыч.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
„Аль спознался с лихорадкою!“
— Да уж три недели бьет —
Полечи! — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился:
„Что за шутки!“ говорит.
„Чем шутить такая шуточка,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите пол-минуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.

Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А жывал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели,
Да его попутал Бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку — ткача!
Ждет сердечный: „Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
„Эй, хозяйка, нету моченьки,
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?“
Да не то у Степанидушки
Завелося на уме,
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула, —
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зеркалом, в облачении,
Молодой судья сидел.

Прочитал ему решение,
Росписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
„А за что вы, черны вороны,
Очи выклевали мне?“
Тут и сам судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя!—
Тит — домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одежду, и станки,
С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому...
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
„Вся-то песня — два словца,
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет“.

Сам ее Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном...
Ну, подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом“.

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАННИКА.

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!
Я хлебами иду: что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!
Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!
Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!
Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?

С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:

Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:

Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Пел старик, а сам поглядывал:

Поминутно лесничок

То к плечу ружье прикладывал,

То потрогивал курок.

На беду, ни с кем не встретишься!

„Полно петь... Эй, молодец!

Что отстал?... В кого ты метишься?

Что ты делаешь, подлец?“

— Трусы, трусы вы великие! —

И лесник захохотал

(А глаза такие дикие!)

„Стыдно!“ Тихоныч сказал;

„Как не грех тебе захожего

Человека так пугать?

А еще хотел я дешево

Миткалю тебе продать!

Молодец не унимается,

Шутки делает ружьем,

Воем, лаем отзывается

Хохот глупого кругом.

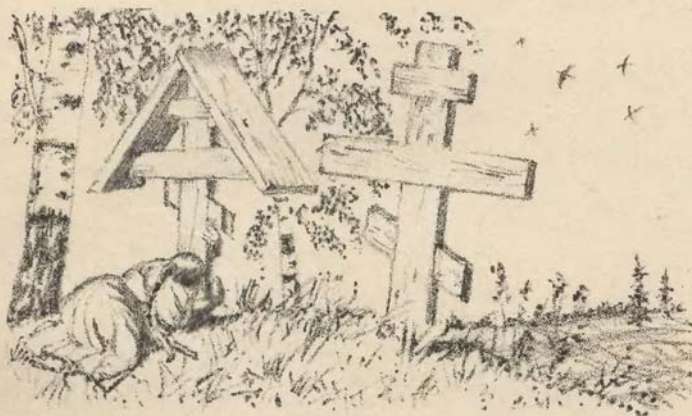
— „Эй! уймись! Чего дурачишься?
Молвил Ванька: — „Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить“ —
А лесник опять наметился.
— „Не шути!“ — Чаво шутить! —
Коробейники отпрянули...
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай-что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
„Пейте, пейте, православные!
Я, ребяташки, богат:
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!“ Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку,
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:

Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... „Стой! вниись!“ ...
И мирские, и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
„Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!“
— Их-то нам и покажи!
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей—
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей;
Судьи тотчас все довели
(Только денег не нашли!)
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

1861

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи Боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.

Ездит старик, продает понемногу, —
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава Богу.
Пусто в деревне, — ему ничего, —
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится — на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то-и-знай:

„По-грушу! по-грушу!

Купи, смений!“

„У дядюшки у Якова

Сбоина макова

Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утхи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..“

— „Стой, старина!“ Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

„По грушу! по грушу!

Купи, сменяй!“

„У дядюшки у Якова

Про баб товару всякого.

Ситцу хорошего —

Нарядно, дешево!

Эй! молодежи!

Красны девицы,

Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада
Всё — чего надо!...

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
„Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!...“ Так вот и рвут!
Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:

„Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись!“

— Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!

„По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!“
У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик!
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны:

По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь — не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь — не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей — утеха!
Умен с ним будешь.
Денег добудешь...

По буквари!

По буквари!

Хватай — бери!

Читай — смотри!“

И букварей-таки много купили —
„Будет вам пряников; нате-ка вам!“
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что́ писано тут!
Молча крепилась Феклуша сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.

Сжалился, дал ей букварь старина:
„Коли бедна ты, так будь ты умна!“

Экой старик, видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

„По грушу, по грушу!
Купи, сменяй!“

1867

ПЧЕЛЫ

МАРИ

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!
Нынче не в меру вода разлилась,
Думали просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ничего, налегке!
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. — Беда!
Пчелами вся запестрела вода.
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы во век!
Да нанесло человека хорошего,
Под Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
„Вы бы им до суши вехи поставили“,
Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят. —

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях — благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать!
Все от единого слова хорошего!
Кушай на здоровье, будем с медком.
Благослови Бог прохожего!
Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал
И за прохожего низкий поклон
Господу Богу отвесил и он.

1867

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем.
„Посади нас, паренек,
Веселей доедем!“
— Что ты? с Мишкой? — „Ничего!
Он у нас смиренный.
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!“
— Ну, садитесь! — Посадил

Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
„Подожди ты нас часок!“
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...
Час проходит, — нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.
Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч;
Кони дернули; стрясась
Тут беда большая —
Рявкнул Мишка! — понеслась
Тройка, как шальная!
Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!
Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз

Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
„Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!“
Вздригнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать во весь мах,
Бедные отдули!
Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит — ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин-материк,
„Генерал“ — смекает, —
Поспешил фуражку снять:

„Здравия желаю!
Что угодно приказать, —
Водки или чаю?...“
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш Мишка!
И смотритель отскочил:
„Господи, помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих:
Нет ребра, зубов во рту
Не хвѣтает многих, —
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!...“
Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Все село в тревоге:
„Генерал в саях ревет,
Как медведь в берлоге!“
Трус бежит, а кто смелей
Те — потехи ради,
Жмутся около саней;

А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
„В избу не хотите ль?“
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...
Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

1867

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

БИБЛИОТЕКА И НАЕМНИ АЖУРА

1

В августе, около „Малых Вежей“,
С старым Мазаем я бил дупелей.
Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.
Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!
Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые
С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.
Дети, я вам расскажу про Мазаю.
Каждое лето домой приезжая,
Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:
Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,
Вся она тонет в зеленых садах,
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода поднимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.
Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!
За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем!
„Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно“. — А леший? „Не верю!
Раз, в кураже, я их звал-подждал
Целую ночь — никого не видал!
За день грибов насобираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;
Вечером пеночка нежно поет;
Словно как в бочку пустую угод
Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы Очи.
Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.
Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и на-крепко дверь затворили.
Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...“
Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,
Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.
Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалят дедушка, — заяц уходит,
Дедушка пальцем косому грозит:
„Врешь — упадешь!“ добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:
Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!
Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.
„Чт ты таскаешь горшок с угольками?“
— Больно, родимый, я зябок руками;
Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,
Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!
„Вот так охотник!“ — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.
Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)
Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
„В нашем болотистом низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!

Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гибнут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?... Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.

Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой.
„То-то!“ сказал я: „не спорьте со мной
Слушайтесь, зайчики, деда Мазя!“
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик — не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка:
Взял и его — тягота невелика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —

Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло:
Сидя и стоя и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
„Взял бы я вас — да потопите лодку!“
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
„Глянь-ко, что делает старый Мазай!“
Ладно, любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились;
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь и рощу, и кусты густые!...
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и „с Богом!“ сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: у-ух!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур — зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклад — и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок, из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их все тем же советом:
„Не попадайтесь зимой!“
Я их не бью ни весною, ни летом:
Шкура плохая, — линяет косой“...

1870

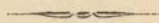

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВЕННЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.
Влас	7
Коробейники	17
Дядюшка Яков	57
Пчелы	67
Генерал Топтыгин	73
Дедушка Мазай и зайцы	89

CONTENTS

1	Introduction
2	Chapter I
3	Chapter II
4	Chapter III
5	Chapter IV
6	Chapter V
7	Chapter VI
8	Chapter VII
9	Chapter VIII
10	Chapter IX
11	Chapter X
12	Chapter XI
13	Chapter XII
14	Chapter XIII
15	Chapter XIV
16	Chapter XV
17	Chapter XVI
18	Chapter XVII
19	Chapter XVIII
20	Chapter XIX
21	Chapter XX
22	Chapter XXI
23	Chapter XXII
24	Chapter XXIII
25	Chapter XXIV
26	Chapter XXV
27	Chapter XXVI
28	Chapter XXVII
29	Chapter XXVIII
30	Chapter XXIX
31	Chapter XXX
32	Chapter XXXI
33	Chapter XXXII
34	Chapter XXXIII
35	Chapter XXXIV
36	Chapter XXXV
37	Chapter XXXVI
38	Chapter XXXVII
39	Chapter XXXVIII
40	Chapter XXXIX
41	Chapter XL
42	Chapter XLI
43	Chapter XLII
44	Chapter XLIII
45	Chapter XLIV
46	Chapter XLV
47	Chapter XLVI
48	Chapter XLVII
49	Chapter XLVIII
50	Chapter XLIX
51	Chapter L
52	Chapter LI
53	Chapter LII
54	Chapter LIII
55	Chapter LIV
56	Chapter LV
57	Chapter LVI
58	Chapter LVII
59	Chapter LVIII
60	Chapter LIX
61	Chapter LX
62	Chapter LXI
63	Chapter LXII
64	Chapter LXIII
65	Chapter LXIV
66	Chapter LXV
67	Chapter LXVI
68	Chapter LXVII
69	Chapter LXVIII
70	Chapter LXIX
71	Chapter LXX
72	Chapter LXXI
73	Chapter LXXII
74	Chapter LXXIII
75	Chapter LXXIV
76	Chapter LXXV
77	Chapter LXXVI
78	Chapter LXXVII
79	Chapter LXXVIII
80	Chapter LXXIX
81	Chapter LXXX
82	Chapter LXXXI
83	Chapter LXXXII
84	Chapter LXXXIII
85	Chapter LXXXIV
86	Chapter LXXXV
87	Chapter LXXXVI
88	Chapter LXXXVII
89	Chapter LXXXVIII
90	Chapter LXXXIX
91	Chapter LXXXX
92	Chapter LXXXXI
93	Chapter LXXXXII
94	Chapter LXXXXIII
95	Chapter LXXXXIV
96	Chapter LXXXXV
97	Chapter LXXXXVI
98	Chapter LXXXXVII
99	Chapter LXXXXVIII
100	Chapter LXXXXIX
101	Chapter LXXXXX

